

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

УДК 821.161.1

DOI 10.23951/1609-624X-2020-3-7-13

«СВЕЖИЙ ВЕТЕР И ЧЕРНЫЕ МЫСЛИ» ПЕТЕРБУРГА (ПО ПОВЕСТИ Н. Ф. ПАВЛОВА «ДЕМОН»)

Г. Т. Мельникова

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина,
Нижний Новгород

Введение. Исследуется повесть «Демон» Николая Филипповича Павлова, чье имя малоизвестно широкому кругу современных читателей.

Цель – анализ основных мотивов и образов повести о «бедном чиновнике», в основе которой лежит один из магистральных сюжетов русской литературы XIX века.

Материал и методы. Материалом исследования послужило произведение, вошедшее в сборник «Новые повести», опубликованный в 1839 г. Предпринят комплексный анализ текста с использованием культурно-исторического и сравнительно-исторического методов.

Результаты и обсуждение. Основные приемы, используемые Павловым при создании мотивов и образов, – антитеза и контраст. В системе персонажей повести центральное место занимает образ Петербурга. «Гигант Севера», соединивший в себе добро и зло, предстает самостоятельным персонажем, обладающим противоречивой фантастической силой, подавляющей волю, меняющей сознание и судьбы людей. Такой город близок Петербургу Достоевского, называвшего его «самым фантастическим» и «умышленным». Главный герой – молодой, небогатый чиновник, образ которого близок героям Достоевского (Макар Девушкин) и Гоголя (Акакий Акакиевич). Женитьба на молодой красавице лишь усиливает неудовлетворенность жизнью. Орден Святой Анны, о котором мечтает герой, становится символом счастья и успешности. Ради этого он идет на противоречащий морали и здравому смыслу шаг – умело предлагает жену в любовники своему начальнику. Эта мысль приходит к нему как «дьявольское наваждение», посланное Петербургом. Подобное развитие сюжетной линии «чиновник – жена» происходит и в рассказе А. П. Чехова «Анна на шее». Схожи причины замужества женщин, выбранные мужьями способы поправить свое положение, а также итог семейных и человеческих отношений героев.

Заключение. В раскрытии темы «маленького человека» Павлов выступил продолжателем традиций А. С. Пушкина и предшественником Гоголя, Достоевского, Чехова. Повесть «Демон» стала подтверждением суждений А. Г. Цейтлина, А. Г. Горнфельда о том, что произведения писателей «не первой величины» не должны быть забыты.

Ключевые слова: романтическая повесть, образ, «маленький человек», Петербург, сюжет, мотив.

Введение

Николай Филиппович Павлов (1804–1864) – писатель необычной судьбы. Незаконнорожденный сын помещика, он получил университетское образование и стал известным писателем, чей талант высоко оценили читатели и критики, в том числе А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский и др. Выросший в семье крепостного, он вошел в высшее московское общество, а его дом был в 1840-е гг. одним из центров культурной жизни Москвы. Современному читателю творчество Павлова практически не известно, однако его произведения, несомненно, имеют высокую художественную и культурную ценность, отмеченную многими критиками и литературоведами как XIX в. (С. Шевырев, А. Краевский, В. Н. Майков и др.), так и XX в. (А. Г. Цейтлин, Н. А. Трифонов и др.). В. Г. Белинский, давая оцен-

ку его творчества, говорил, что Павлов «принадлежит к немногочисленному числу наших отличных прозаиков» [1, с. 283], а также отмечал его «блестящее беллетристическое дарование» [2, с. 333]. С. П. Шевырев выделил в качестве главного свойства творческой манеры Павлова «дар наблюдать душу и описывать ее тайные события» [3, с. 125]. Л. М. Крупчанов говорит о нем как о писателе «разностороннем и сложном», чье творчество отмечено «своими неповторимыми образами» [4, с. 16]. Н. М. Зудина отметила переходный характер прозы и в целом творчества Павлова [5].

Материал и методы

Павлова можно по праву назвать московским писателем: здесь он родился и жил, написал повести, принесшие ему известность, объединив их в два сборника – «Три повести» (1835) и «Новые по-

вести» (1839). Единственное произведение, действие которого происходит не в Москве, – это повесть «Демон», вошедшая во второй сборник, имевший меньший успех, чем первый. Однако именно по отношению к «Новым повестям» современники заметили необычность авторской манеры писателя. В рецензии журнала «Отечественные записки» отмечается пессимизм автора. Он связан с глубоким проникновением Павлова в сущность отношений между людьми: «...На земле нет полного счастья... в жизни все перемешано... возле играющей юности стоит гроб, возле любви – измена, возле упоения – ужас отчаяния» [6, с. 108]. Много лет спустя А. Г. Цейтлин назовет повесть «Демон» «превосходной» и «несправедливо забытой» [7, с. 23]. «Демон» отличается от других произведений Павлова, написанных в жанре «светской» повести, тематикой и образом главного героя. С одной стороны, здесь автор продолжает тему «маленького человека» в пространстве великого и жестокого столичного города, начатую А. С. Пушкиным в «Станционном смотрителе» (1831) и «Медном всаднике» (1833), с другой стороны, повесть является предшественницей произведений Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, раскрывших эту тему в «Шинели» (1843) и «Бедных людях» (1846).

На роль повести «Демон» Павлова в развитии сюжета о «бедном чиновнике» впервые указал А. Г. Цейтлин [8]. Н. А. Трифонов отметил, что предшественником Достоевского в изображении судьбы и переживаний «униженного и оскорбленного» человека был Н. Ф. Павлов [9, с. 22]. Самого Павлова называли «горячим поклонником таланта Достоевского». Его друг – Н. А. Мельгунов – писал М. П. Погодину: «Павлов, окончив теперь повесть Достоевского „Бедные люди“, от нее в восторге» [10, с. 349].

Результаты и обсуждение

Петербург входит в сюжет повести Павлова с первых строк. События начинаются «однажды в самую светлую ночь в Петербурге, на Петербургской стороне» [11, с. 151]. Одновременно вводится и образ главного героя – «чиновника лет сорока пяти» [11, с. 151], работающего за письменным столом.

Композиционно и образно повесть полностью построена на антитезе и контрасте. В начале повествования перед нами небогатый чиновник, живущий на окраине Петербурга. «Небольшая комната служила ему кабинетом» [11, с. 151] и была наполнена исключительно «своим, родным»: всюду русские книги, журналы, картины и «соловей русской роши» [11, с. 152] в клетке. В отечественной поэзии соловей стал образом-символом русской

природы, вольной русской души, полной романтических чувств. К этому образу обращались в своем творчестве такие поэты и писатели-романтики, как А. С. Пушкин, А. А. Бестужев-Марлинский, А. В. Кольцов, П. А. Катенин и другие. На стихотворение А. А. Дельвига «Русская песня» А. А. Алябьев в 1820-е годы написал знаменитый романс «Соловей». Складывается впечатление, что перед нами небогатый человек с чуткой «русской» душой, увлеченный любимым делом. Однако позже выяснится, что занят он всего лишь «перебеливанием», переписыванием черновых документов, а чувства, охватившие его душу, далеко не возвышенные и не романтические. Примечательно, что именно переписывание будет входить в обязанности последующих представителей типа «маленького человека»: Акакия Акакиевича («Шинель») и Макара Девушкина («Бедные люди»). Гоголь говорит о своем герое: «С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало» [12, с. 143]. Герой Достоевского рассказывает о себе: «Я ведь и сам знаю, что я немного делаю тем, что переписываю; да все-таки я этим горжусь: я работаю, я пот проливаю» [13, с. 44].

С образом ночи и ночного Петербурга связан мотив фантастического, с которым переплетается мотив подавляющего величия города. «Прекрасная», «чудная» ночь», во время которой начинается повествование, становится роковой, поворотной в сознании и судьбе героя. Когда Андрей Иванович «потушил свечу и подошел к окну», зазвучали первые нотки тревоги: «На том берегу темнелась и светлела великая картина» [11, с. 153]. Сила человеческого духа, воплощенная в прекрасном и великом городе, завораживает и притягивает, но автор предупреждает, что в нем слились свет и тьма, добро и зло. Именно на это обращает внимание В. Н. Топоров в своем исследовании «петербургского текста»: «В текстах этого типа „положительное“ и „отрицательное“ часто выступают не только в подозрительном соседстве и даже опасном смешении, но в той тесной и органической связи, где одно и другое находятся в отношении взаимозависимости, где они – при определенном взгляде – дополняют и обуславливают друг друга» [14, с. 11].

Описание спящей столицы, похожее на отрывок из волшебной сказки, полно восхищения на грани страха: «Петербург спал, покоился этот гигант Севера, страшно и приятно было смотреть на грозный и великолепный сон. Трое часовых стерегло его. На земле несколько штыков, между землею и небом ангел колонны, а на небе стоял месяц на карауле» [11, с. 155]. Андрей Иванович как будто находится внутри волшебного пространства, освещенного «фантастическим светом». Те же мысли о

нереальности и иррациональности Петербурга позднее прозвучат у Достоевского в очерке «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), где он назовет Петербург «самым фантастическим городом, с самой фантастической историей из всех городов земного шара» [15, с. 77], и в повести «Записки из подполья» (1864) при рассуждении о человеке «девятнадцатого столетия, ... имеющего сугубое несчастье обитать в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре» [15, с. 136]. Город, показанный Павловым, предстает одухотворенным, наделенным чертами живого существа, со своим жизненным распорядком: «Петербург спал» [11, с. 155], «просыпался весело», шевелился, на равных вступал в отношения с героем – «отказывался от него» [11, с. 164]; «Петербург бодрствовал, Петербург служил, Петербург ел уже» [11, с. 165]. Неудивительно, что такой город мог восхищать и подчинять.

Если наедине с собой Андрей Иванович еще смог устоять перед «чудесами спящего Петербурга», не поддавшись «глупым мукам воображения», сравнению «Петербургской стороны с Дворцовой набережной» [11, с. 153], то в комнате жены чувство неудовлетворенности жизнью, осознание своей ничтожности и «унижения» полностью охватили его. И снова автор подчеркивает противоречивость ситуации: женитьба на молодой красавице, «объятия завидной женщины» [11, с. 158] не приносят герою счастья.

Сюжетная линия «чиновник – жена» развивается необычно. Между супругами большая разница в возрасте (Андрею Ивановичу сорок пять лет, жене – девятнадцать), но не это делает их брак неравным. Единственной силой, которая «свела эту жену с этим мужем», была бедность: «Нищета выдала ее головою» [11, с. 159]. Он заботится о жене, старается в ущерб себе создать вокруг нее «по мере возможности, вкус, роскошь» [11, с. 153], но «удовлетворение первых нужд» [11, с. 159] – это не то, чего ждет она, и не то, чего бы хотел дать он. Андрей Иванович чувствует себя недостойным своей молодой красавицы-жены. Мысль о том, что он – «кавалер пряжки за двадцать лет и четвертой степени Станислава» [11, с. 154] – не может обеспечить ей роскошную жизнь, не дает ему покоя. Вместо наслаждения тем, что имеешь, герой чувствует неудовлетворенность, досаду на бедность, близкую старость и низкое положение: «Хоть бы Анна была у него на шее, хоть бы голова была без седых волос, хоть бы каменный дом был на проспекте!» [11, с. 154].

Между героями нет ни духовной близости, ни теплых чувств. Показательна сцена обеда, дающая понять, насколько далеки супруги друг от друга. Произшедшая перед ним размолвка не взволнова-

ла, не заставила переживать и искать примирения. Вековая семейная традиция не только не сближает, но еще больше отстраняет и разъединяет их. Жена не может скрыть равнодушия, которое переходит в раздражение под пристальным взглядом мужа, погруженного в свои мысли. Сцена заканчивается выводом автора: «Жена портила картину, мужу следовало быть наедине с этим обедом» [11, с. 161].

Параллельно с образом жены в повести возникает образ-символ «Анны», связанный с орденом Святой Анны II степени. Его носили на шее, и это была более высокая, статусная награда, чем «Станислав» Андрея Ивановича. В первой части герой с досадой думает, «можно ли это прогуливаться под ручку с такой прекрасной женщиной, не имея ничего на шее»; его раздражают «кавалеры Анны на шее» [11, с. 157], гуляющие по проспекту. Автор лаконично представляет его жизненный идеал: «Ему хочется принарядить жену, показать ее в люди, хочется денег, Анны на шею» [11, с. 158]. «Анна на шее» для Андрея Ивановича – предел его желаний, символ успешности и счастья. В конце повести его мечта сбылась, и он с удовольствием, «проворно всей Анной» [11, с. 182] поворачивается к собеседнику, несколько не заботясь, какой ценой она была получена.

Возникновение у героя «Демона» замысла об изменении своей жизни, погружение в то «необыкновенное», что «происходило у него на сердце», провоцируется Петербургом («свежий воздух и черные мысли пахнули с Невы» [11, с. 155]), проникает в его сознание вместе с видением из «ослепительного ряда зеркальных стекол, больших, светлых, ярких» [11, с. 156]. Прослеживается еще один мотив, связанный с Петербургом и его пространством, – мотив света, который не осеняет возвышенными чувствами и мыслями, а ослепляет, давая возможность тьме проникнуть в рассудок и душу. В повести «Шинель» Гоголь также делает акцент на освещенности пространства улиц, где живет Акакий Акакиевич, и центра города: «Сначала надо было Акакию Акакиевичу пройти кое-какие пустынные улицы с тощим освещением, но по мере приближения к квартире чиновника улицы становились живее, населенней и сильнее освещены» [12, с. 156]. Герой романа «Бедные люди» Достоевского с восхищением описывает ярко освещенную Гороховую улицу в центре Петербурга, манящую роскошью и красотой: «Какие лавки, магазины богатые; все так и блестит и горит, материя, цветы под стеклами...» [13, с. 89]. Однако у Павлова свет приобретает именно обманчивый, ложный характер.

Вторая ночь из жизни Андрея Ивановича приносит новые противоречия. Внешне все осталось

прежним: «на плечах Андрея Ивановича был тот же бухарский халат», повторилось волшебство и красота петербургской ночи: «Опять старая сказка, опять гранит, ангел и месяц... все великолепно, очаровательно, чудно!», но «умышленный» город уже сделал свое дело: «Петербург был тот же – чиновник переменялся» [11, с. 161]. Герой снова поглощен работой, но уже «Андрей Иванович не перебеливает, Андрей Иванович сочиняет» [11, с. 163]. «Волшебной невидимкой налетало на него бесплотное вдохновение» [11, с. 163], но для того, чтобы помочь в написании не важного документа или поэтического произведения, а прошения к начальнику для реализации неестественного и противоречащего здравому смыслу и морали плана: предложить свою «жену-красавицу» ему в любовницы. Тогда же автор раскрывает истинную суть того «необыкновенного», что творилось с героем, – «дьявольское наваждение» [11, с. 162]. Чудесная сказка ночного города оказалась сетью, в которую «демон» Петербурга поймал душу бедного чиновника.

Другая жизнь, связанная с другим берегом Невы, воплощается для Андрея Ивановича в образе дома начальника, «мимо которого со времен своей женитьбы не мог пройти равнодушно» [11, с. 168]. На него переходят характеристики города в целом: «Дом стоял весь в тени, был неприступен, важен и велик» [11, с. 165]. Перед ним все страхи и комплексы «маленького человека» обострились, «придавили его к земле» [11, с. 165]. Рядом с «величием этих стен и окон», гиперболизировано большой дверью «по росту великанов», более ярко вырисовывается образ «маленького человека», который в ужасе боится даже смотреть на окружающее величие, «чтобы сохранить остаток мужества и присутствие ума» [11, с. 169]. В образе самого начальника, в его манере держаться и вести разговор с подчиненными прослеживается сходство со «значительным лицом» из гоголевской «Шинели». Бедные чиновники, представ перед ними, испытывают сходные чувства. «Акакий Акакиевич уже благоговременно почувствовал надлежащую робость,... стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа» [12, с. 164]. «Андрей Иванович бледнел, лицо его сливалось с белым галстуком...» [11, с. 173]. Оба с подобострастием и страхом несколько раз повторяют «ваше превосходительство». Однако заканчиваются их встречи по-разному: Акакия Акакиевича «вынесли почти без движения» [12, с. 165] под возмущенный крик «значительного лица», тогда как Андрей Иванович, поддерживаемый неведомой силой, «скользнул в дверь» [11, с. 178] с «дьявольской» улыбкой, уже уверенный в своей победе, несмотря на крик начальника. Иной характер имеет сцена с начальником в «Бедных людях». Допустившего ошибку Ма-

кара Девушкина «его превосходительство» сначала начинает отчитывать, но затем не только смягчает свой гнев, но и дает ему сто рублей, настолько его поразили нищенский, униженный вид чиновника.

В описании событий в доме начальника вновь возникает мотив солнца и света: «ровный свет» наполнял приемную, «солнце светило в огромные окна» [11, с. 172] кабинета. Петербургское солнце, освещая пространство вокруг героя, подобно дьяволу, проникает в душу, изнутри направляя и помогая воплотить в жизнь его план. И вот уже «мысль и луч его глаза... упали как молния» [11, с. 173], «мирное лицо воспламенилось» и «запылало благородством» [11, с. 177]. После разговора он «потушил жар своей души» и «улыбнулся про себя так двусмысленно, так зло, так надменно и самоуверенно, как будто надеялся поступить на вакансию какого-нибудь дьявола» [11, с. 178]. Поддавшись «необыкновенной» силе, Андрей Иванович сам выступает в роли демона. Рассказом о придуманном увлечении жены он искушает мужское самолюбие начальника, будит воображение, толкает к выгодному для него решению. Слова «жена-красавица», которые он неоднократно повторяет, звучат как заклинание.

«Демон» начинается описанием кабинета бедного чиновника на Петербургской стороне. В конце повести автор вновь описывает дом Андрея Ивановича, но уже новый: «Андрей Иванович сообразил все эти неудобства и переехал» [11, с. 181]. В нем также есть кабинет, но «уже не возле спальни», и его хозяин «не все перевез с собой» [11, с. 181]. Вместо русских книг и картин – «бронзовые часы», «парижские картинки», а «каждое кресло работало немец» [11, с. 181]. И сам чиновник совершенно другой – с «Анной», хорошо одетый, праздный, живущий отдельной от жены жизнью. Дьявольский план сработал, «демон» Петербурга овладел всем его существом.

В произведениях Павлова, Пушкина, Гоголя и Достоевского можно увидеть не только сходство мотивов и образов главных героев, но и женских образов. Дуня в повести Пушкина «Станционный смотритель», жена Андрея Ивановича, Варенька в «Бедных людях» Достоевского – это смысл жизни героев, с ними связаны их надежды на будущее и мечты о счастье. Стимулом к жизни, труду, заработку является любовь (у Пушкина и Достоевского – нежная и самоотверженная, у Павлова – искаженная неудовлетворенностью и болезненными амбициями). Интересно, что у Акакия Акакиевича это место заняла шинель, которая была и мечтой, и объектом трепетной любви, на которую он потратил последние деньги. С потерей этого стимула героям становится незачем жить. После бегства дочери Самсон Вырин от одиночества и тоски спива-

ется и умирает. Макар Деушкин после отъезда Вареньки пишет слова, полные отчаяния: «Я умру, Варенька, непременно умру; не перенесет мое сердце такого несчастья!» [13, с. 115]. Кража шинели и последующие события свели в могилу Акакия Акакиевича. Герой Павлова по собственной воле теряет жену, отдает в любовницы начальнику. Благодаря этому сбывается его мечта о богатстве, доме и «Анне», но решившись на этот шаг, он духовно умирает. Свою душу он продал «демону» Петербурга.

Развитие в повести Павлова сюжетной линии, возникновение треугольника «чиновник – жена – начальник» имеет явное сходство с рассказом А. П. Чехова «Анна на шее» (1895). Фраза, вынесенная Чеховым в название рассказа и неоднократно звучащая в повести Павлова, связана с мечтами героев получить желанную награду и более высокое положение. Чехов дает имя Анна и героине, благодаря чему заголовок приобретает двусмысленность и символичность.

У Чехова, как и у Павлова, молодая девушка из бедной семьи выходит замуж за чиновников намного старше себя, желая помочь родным поправить свое положение. Обе героини не любят мужей и тягостятся жизнью, которую вынуждены вести. Жена Андрея Ивановича получает от него «удовлетворение первых нужд», но «за кусок хлеба никто не благодарит» [11, с. 159], поэтому единственное чувство, которое проявляет она, – это равнодушие. Анна в повести Чехова относится к мужу со страхом и явным пренебрежением, даже отвращением. Авторы обращают внимание на поведение героев во время семейного обеда. Павлов пишет: «Они принялись обедать. Она не ела и того, чего хотелось; он ел и то, чего не хотел. ... Девятнадцатилетняя женщина сидела за обедом и сама не обедала» [11, с. 160–161]. У Чехова «за обедом Модест Алексеич ел очень много и говорил... А Аня слушала его, боялась и не могла есть и обыкновенно вставала из-за стола голодной» [16, с. 16].

Итог семейных отношений героев практически одинаков. Модест Алексеич представляет Анну в обществе, намеренно велит ей наряжаться и даже, несмотря на скупость, выдает для этого сто рублей. Осознав силу своего женского очарования, Анна начинает изменять мужу, открыто и уже без страха показывая ему пренебрежение и тратя «его деньги как свои». Первая фраза, которую она говорит после понимания произошедших перемен: «Подите прочь, болван!» [16, с. 24]. В ней и месть за прошлые унижения, и презрение, и надменное торжество сильного над слабым. Он же не только не смущен этим, но и с удовольствием принимает ситуацию, ведь его цель тоже достигнута: он стал вхож к «его сиятельству» и «получил Анну второй

степени» [16, с. 24]. Андрей Иванович не просто молчаливо соглашается на подобный поворот в своей жизни, но сам умело предлагает жену в любовницы начальнику.

Взаимоотношения персонажей построены на яркой антитезе «до» и «после». Герой Чехова, жадный, тщеславный, всех поучающий, относившийся к жене снисходительно и свысока, потом начинает смотреть на нее «с тем же заискивающим, сладким, холопски-почтительным выражением, которое она привыкла видеть у него в присутствии сильных и знатных» [16, с. 24]. Она из несчастной жены превращается в уверенную, сильную женщину, которую не волнуют проблемы морали, а ее жизнь – в череду пикников, спектаклей и развлечений вне дома. С героями Павлова тоже происходят перемены. Неудовлетворенность и раздражение Андрея Ивановича переходят в довольство жизнью и богатством. Его жена, вынужденная ранее сидеть дома и жить с ненавистным человеком «за насущный хлеб» [11, с. 160], становится «ужасной охотницей выезжать», ей на дом привозят «билет на ложу в театр» [11, с. 182]. Примечательно, что именно в конце повести, после всех случившихся перемен, автор впервые называет ее по имени – Марья Ивановна, а не просто «жена».

Обращает на себя внимание то, что рассказ Чехова, как и повесть Павлова, имеет кольцевую композицию. Повесть «Демон» автор начинает и заканчивает описанием двух разных домов чиновника. В начале и в конце «Анны на шее» звучат слова – лейтмотивы, связанные с ее семьей и бедным прошлым, причем фразы буквально зеркальные: «Папочка, будет... Папочка, не надо...» [16, с. 13] – «Не надо, папочка... Будет, папочка» [16, с. 25]. Этим приемом авторы пользуются для того, чтобы еще ярче подчеркнуть перемены в жизни и душе своих героев.

Сравнительный анализ повести «Демон» с произведениями Пушкина, Гоголя, Достоевского и Чехова дал возможность показать историко-литературные закономерности. «Историко-литературный закон есть такая конкретно-историческая взаимосвязь между литературными произведениями и действительностью, между стадиями развития литературных направлений, а также между компонентами отдельного литературного произведения, которая имеет необходимый характер и проявляется в относительной устойчивости и повторяемости этой связи» [17, с. 260].

Заключение

В монографии «Повести о бедном чиновнике Достоевского (к истории одного сюжета)» А. Г. Цейтлин привел слова А. Г. Горнфельда: «Каждое крупное творение есть результат преемственного

развития общих мотивов, и здесь... всякое большое движение выражается не только в бессмертных его представителях, но и в целом ряде писателей второстепенных, о которых не только грешно, но и опасно забывать» [8, с. 1]. По отношению к творчеству Павлова они приобретают особое значение: он стал предшественником Гоголя и Достоевского в раскрытии образа «маленького человека», поглощаемого фантастической силой Петербурга. Продолжая традицию Пушкина, Павлов представил образ столицы как величественного, но

противоречивого города-загадки. Его Петербург – это живая фантастическая сущность, со своей жизнью, оказывающей влияние на души и судьбы людей. Поэтому повесть «Демон» заняла «свое» место в «петербургском тексте» русской литературы и оставила «след» в ряду произведений о «бедном чиновнике». Общечеловеческие и нравственные проблемы, которые затронул Павлов в рамках романтической повести, нашли продолжение и десятилетия спустя – в рассказе Чехова «Анна на шее».

Список литературы

1. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. I. С. 259–307.
2. Белинский В. Г. Письмо В. П. Боткину. СПб. 17 февраля 1847 // Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. XII. С. 327–333.
3. Шевырев С. П. Три повести Н. Павлова // Московский наблюдатель, 1935. № 3. Ч. I. С. 120–130.
4. Крупчанов Л. М. Н. Ф. Павлов и его творчество // Павлов Н. Ф. Избранные сочинения / сост., вступ. ст. и прим. Л. М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 3–16.
5. Зудина Н. М. Н. Ф. Павлов в историко-литературном процессе 30–60-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. 17 с.
6. Краевский А. Новые повести Н. Ф. Павлова. Маскарад. Демон. Миллион // Отечественные записки. 1839. Т. 6, № 11. С. 105–118.
7. Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М.: Наука, 1965. 317 с.
8. Цейтлин А. Г. Повести о бедном чиновнике Достоевского (к истории одного сюжета). М., 1923. 63 с.
9. Трифонов Н. А. Н. Ф. Павлов // Павлов Н. Ф. Повести и стихи. М.: Художественная литература, 1957. С. 3–22.
10. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. 629 с.
11. Павлов Н. Ф. Демон // Избранные сочинения / сост., вступ. ст. и прим. Л. М. Крупчанова. М.: Правда, 1989. С. 183–238.
12. Гоголь Н. В. Шинель // Н. В. Гоголь. Петербургские повести. 3-е изд. / предисл. Л. Козловой; рис. Л. Подляской. Л.: Детская лит., 1976. С. 140–172.
13. Достоевский Ф. М. Бедные люди: роман; Двойник: Петербургская поэма. М.: Сов. Россия, 1985. 272 с.
14. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избр. тр. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 616 с.
15. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956. Т. 4. 609 с.
16. Чехов А. П. Анна на шее // Собрание сочинений: в 9 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956. Т. 8. С. 12–25.
17. Фохт У. Р. Пути русского реализма. М.: Советский писатель, 1963. 264 с.

Мельникова Галина Тимофеевна, аспирант, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (ул. Ульянова, 1, Нижний Новгород, Россия, 603950). E-mail: gala.10@list.ru

Материал поступил в редакцию 24.12.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2020-3-7-13

“THE FRESH WIND, AND BLACK THOUGHTS” OF ST. PETERSBURG (BASED ON THE NOVEL BY N. F. PAVLOV, “THE DEMON”)

G. T. Melnikova

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction. The author investigates the novel “The Demon” by Nikolai Filippovich Pavlov, whose name is little known to a wide range of modern readers.

The *purpose* of the article is to analyze the main motives and images of the story about “the poor official”, which is based on one of the main subjects of Russian literature of the XIX century.

Material and methods. The material of the study was the work included in the collection “New stories”, published in 1839. A comprehensive analysis of the text using cultural-historical and comparative-historical methods is undertaken.

Results and discussion. The main techniques used by Pavlov to create motives and images are antithesis and contrast. In the system of characters of the story the central place is occupied by the image of St. Petersburg. “The giant of the North”, combining good and evil, appears as an independent character with a contradictory fantastic force that suppresses the will, changes the minds and destinies of people. Such a city is close to Dostoevsky’s Petersburg, who called it “the most fantastic” and “intentional”. The main character is an elderly, poor official, whose image is close to the characters of Dostoevsky (Makar Devushkin) and Gogol (Akaky Akakievich). Marrying a young beauty only increases dissatisfaction with life. The order of St. Anne, which the character dreams of, becomes a symbol of happiness and success. For the sake of this, he goes to a step contrary to morality and common sense—skillfully offers his wife as a lover to his boss. This idea comes to him as a “diabolical obsession” sent by St. Petersburg. A similar development of the storyline “official-wife” occurs in the story of A. P. Chekhov “Anna on the neck”. Similar are the reasons for the marriage of women, the ways chosen by their husbands to improve their situation, as well as the result of family and human relations of characters.

Conclusion. In the disclosure of the theme of “the little man” Pavlov was the successor of the traditions of A. S. Pushkin and the predecessor of Gogol, Dostoevsky, Chekhov. The novel “The Demon” was a confirmation of the judgment that the works of writers “not the first magnitude” should not be forgotten.

Keywords: *romantic story, image, “little man”, St. Petersburg, plot, motive.*

References

1. Belinskiy V. G. O russkoy povesti i povestyakh g. Gogolya [About the Russian story and the stories of Gogol]. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 tomakh. T. I* [Complete works: in 13 volumes. Vol. 1]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1953. Pp. 259–07 (in Russian).
2. Belinskiy V. G. Pis'mo V. P. Botkinu. SPb 17 fevralya 1847 [Letter To V. P. Botkin. St. Petersburg February 17, 1847]. In: Belinskiy V. G. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 tomakh. T. XII* [Complete works: in 13 volumes. Vol. XII]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1953. Pp. 327–333 (in Russian).
3. Shevyrev S. P. Tri povesti N. Pavlova [Three stories by N. Pavlov]. *Moskovskiy nablyudatel'*, 1935, no. 3, part I. Pp. 120–130 (in Russian).
4. Krupchanov L. M. N. F. Pavlov i ego tvorchestvo [N. F. Pavlov and his creativity]. In: Pavlov N. F. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Compiled, introductory article and note by L. M. Krupchanova. Moscow, Pravda Publ., 1989. Pp. 3–16 (in Russian).
5. Zudina N. M. *N. F. Pavlov v istoriko-literaturnom protsesse 30–60-kh godov XIX veka*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [N. F. Pavlov in the historical and literary process of 30–60-ies of the XIX century. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 1989. 17 p. (in Russian).
6. Kravevskiy A. Novye povesti N. F. Pavlova. Maskarad. Demon. Million [New stories by N. F. Pavlov. Masquerade. Demon. Million]. *Otechestvennye zapiski*, 1839, vol. 6, no. 11, pp. 105–118 (in Russian).
7. Tseytlin A. G. *Stanovleniye realizma v russkoy literature (russkiy fiziologicheskiy ocherk)* [The development of realism in Russian literature (Russian physiological sketch)]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 317 p. (in Russian).
8. Tseytlin A. G. *Povesti o bednom chinovnike Dostoyevskogo (k istorii odnogo syuzheta)* [The story of a poor official by Dostoevsky (to the history of one story)]. Moscow, 1923. 63 p. (in Russian).
9. Trifonov N. A. N. F. Pavlov [N. F. Pavlov]. In: Pavlov N. F. *Povesti i stikhi* [Stories and poems]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1957. Pp. 3–22 (in Russian).
10. Barsukov N. P. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina*. Kn. 8 [The life and works of M. P. Pogodin. Book 8]. St. Petersburg, 1894. 629 p. (in Russian).
11. Pavlov N. F. Demon [Demon]. In: Pavlov N. F. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Compiled, introductory article and note by L. M. Krupchanova. Moscow, Pravda Publ., 1989. Pp. 183–238 (in Russian).
12. Gogol' N. V. Shinel' [Greatcoat]. In: Gogol' N. V. *Peterburgskiy povesti* [Petersburg stories]. Preface by L. Kozlova; Drawings by L. Podlaska. Leningrad, Det. lit. Publ., 1976. Pp. 140–172 (in Russian).
13. Dostoyevskiy F. M. *Bednye lyudi: roman; Dvoynik: Peterburgskaya poema* [Poor people: a novel; The Double: a Petersburg poem]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1985. 272 p. (in Russian).
14. Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: izbrannye trudy* [The Petersburg text of Russian literature: selected works]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 2003. 616 p. (in Russian).
15. Dostoyevskiy F. M. *Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 4* [Collected works in 10 volumes. Vol. 4]. Moscow, Gos. izd-vo khud. lit. Publ., 1956. 609 p. (in Russian).
16. Chekhov A. P. Anna na sheye [Anna on the neck]. In: Chekhov A. P. *Sobraniye sochineniy: v 9 tomakh. T. 8* [Collected works: in 9 volumes. Vol. 8]. Moscow, Gos. izd-vo khud. lit. Publ., 1956. Pp. 12–25 (in Russian).
17. Fokht U. R. *Puti russkogo realizma* [The ways of Russian realism]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 264 p. (in Russian).

Melnikova G. T., post-graduate student, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (ul. Ulyanova, 1, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950). E-mail: gala.10@list.ru